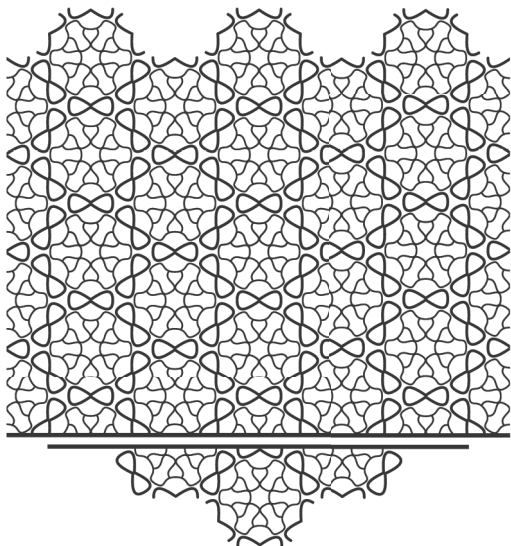

ХОЗЯЕВА ДЖИННОВ

*Клодетт,
которую многие зовут Лиз, а я зову просто Мамой.
Спасибо за все те визиты в библиотеку.*

Глава первая

Арчибальд Джеймс Портендорф не любил ступени. С этой их невыносимой высотой, они к тому же, словно издеваясь, всегда вели вверх. «Временами, — думал Портендорф, — можно даже услышать, как они хихикают». Если бы у ступеней были глаза, смешками они бы не ограничились — наблюдая, как он пыхтит сквозь подкрученные рыжие усы, как его короткие ноги подкашиваются под круглым животом. В современную эпоху, когда пассажиров могли с удобством поднимать лифты, просто преступно, что этим лестницам по-прежнему позволялось существовать.

Арчибальд остановился передохнуть у гигантской реплики медного чайника с изогнутым, будто клюв, носиком, опустил свою ношу. Это безобразие, что человек его лет, доживший до шестидесяти и одного в этом 1912 году, вынужден подвергаться подобным унижениям. Ему бы проводить ночь с крепким напитком, а не рысать вверх по дурацким ступеням!

— Все для короля, страны и компании, — пробормотал он.

Утирая со лба пот, Портендорф мечтал дотянуться до сырости на спине и других неприличных мест, к счастью, скрытых темным костюмом. Для ноября было тепло, и в этих перегретых землях казалось, что его тело уже не знало, как не потеть. Арчибальд со вздохом обратил усталые глаза к арочному окну. В этот час он все еще мог различить пологие силуэты пирамид, их камни сияли под светом полной луны, повисшей в черном небе.

Египет. Таинственная жемчужина Востока, земля фараонов, легендарных мамлюков и бесчисленных чудес. Десять долгих лет Арчибалда проводил три, четыре, даже шесть месяцев кряду в этой стране. И в одном он был совершенно уверен — с него достаточно.

Портендорф устал от этого ужасающе жаркого, сухого места. Тридцать лет назад страна созрела, чтобы стать еще одним завоеванием Империи Ее Величества. Сейчас Египет превратился в одну из великих держав, а Каир быстро превосходил Лондон, даже Париж. Местные горделиво вышгивали по улицам — насмешливо называя Англию «серым островком». Их еда расстраивала его желудок. Их молитвы разносились днем и ночью. И они наслаждались, прикидываясь, что не понимают английский, *когда он знал, что они все прекрасно понимают!*

А еще были джинны. Противоестественные существа!

Арчибалда снова вздохнул, проводя пальцем по лавандовой «Д», вышитой на платке. Джорджиана подарила его перед свадьбой. Она любила поездки Портендорфа не больше, чем он сам. Она оставалась в Лондоне, и в отсутствие мужа ей нечем было помыкать, кроме слуг.

— Всего несколько недель осталось, моя дорогая. — Всего несколько недель — и он улетит домой на дирижабле. Как же он будет рад увидеть свой «серый островок», где стоял разумно холодный и дождливый ноябрь. Он будет гулять по его узким улочкам и смаковать их вонь. На Рождество он упьется до изумления — хорошим, крепким, английским виски!

Эти мысли приободрили Портендорфа. Он поднял тюк и снова принялся подниматься, на ходу напевая «Правь, Британия!» Но пролет патриотизма сменился томительными ступенями. К моменту, когда Арчибалда добрался до вершины, лестница высосала из него всю энергичность. Он запнулся и остановился перед высокими дверьми темного, почти черного дерева в каменной арке и, шумно пыхтя, уперся руками в колени.

Пока он стоял, его внимание привлек смутный звон. Он уже несколько недель периодически слышал этот странный звук — далекое эхо ударов металла о металл. Арчибальд спрашивал у прислуги, но большинство его не замечало. Те же, кто его слышал, говорили, что это, должно быть, невидимый джинн, живущий в стенах, и предлагали ему декламировать суры. Все же этот звук должен был доноситься из...

— Портендорф!

Окрик заставил Арчибальда выпрямиться. Он поправил пиджак и повернулся к двум мужчинам, шагавшим в его сторону. Когда Портендорф узнал одного из них, он чуть не скривился в гримасе, но заставил свое лицо сохранять спокойное выражение.

Уэсли Далтон напоминал Арчибальду карикатуры на эвардианских аристократов: золотые волосы с аккуратным пробором, навошенные до остроты усы и фонтанирующая самонадеянность от бровей до подбородка с ямочкой. В целом он вызывал тошноту. Поднявшись, молодой человек от души хлопнул Арчибальда по спине, чуть не сбив толстяка с ног.

— Выходит, я не единственный, кто опоздал на суаре компании! Думал, придется извиняться перед старцем. Но если появлюсь с нашим маленьким кайзером, то порки удастся избежать!

Арчибальд растянул губы в улыбке. Фамилия *Портендорф* столетиями считалась английской. И пришла из Австрии, не Германии. Но обижаться на шутку было дурным тоном. Он поздоровался и пожал руку.

— Только прилетел из Эль-Файюма, — поделился Далтон. Что объясняло его наряд — рыжеватый костюм пилота, со штанами, заправленными в черные ботинки. Скорее всего, он летел на одной из этих двухместных планирующих штуковин, которые были здесь так популярны. — Со мной поделились информацией о достойной исследовании мумии. Это оказалось надувательством. Местные слепили ее из соломы и шпаклевки, ты можешь в это поверить?!

Арчибальд вполне мог в это поверить. Далтон был одержим мумиями — часть доказательства его теории, что древние египетские правители были белобрысыми родственниками англосаксов, властвовавшими над темными ордами в своем королевстве. Арчибальд и сам был расиалистом, но даже ему подобные утверждения казались вздором и ахинеей.

— Временами, Мустафа, — продолжал Далтон, стягивая перчатки, — мне кажется, что ты получаешь удовольствие, когда отправляешь меня в эти бессмысленные путешествия.

Арчибальд почти забыл о втором мужчине, стоявшем беззвучно, словно предмет мебели. Хоть нанять местных для подобной работы становилось все труднее, Мустафа был слугой Далтона. С тех пор как египетский парламент запретил торговлю, мумии стало тяжело добыть. Однако казалось, что Мустафа всегда способен отыскать для Далтона новую наводку — неизменно бесплодную и, как подозревал Арчибальд, очень дорогую.

— Я лишь пытаюсь услужить, мистер Далтон, — ответил Мустафа на спотыкающемся английском, снимая перчатки и пряча их под голубой галабеей¹.

— Каждая наводка за бакшиш. Не лучше лондонской шпаны, догола разденут, если расслабишься, — хмыкнул Далтон.

Мустафа перевел взгляд на Арчибальда, на его полных губах играла едва заметная улыбка.

— Ух ты! — воскликнул Далтон. — Это... тот самый предмет?

Арчибальд подхватил тюк с земли. Ему изрядно пришлось поторговаться, чтобы добыть эту штуку. Он уж точно не позволит ее лапать неуклюжими ручищами.

— Увидишь вместе со всеми, — отрезал он.

На лице Далтона отразилось разочарование и легкое возмущение. Но он только пожал плечами.

¹ Длинная, до лодыжек, рубаха с широкими рукавами, без воротника и пояса.

— Разумеется. В таком случае, если позволишь? — Он потянул, и тяжелые двери заскрежетали по камню.

Стены круглого зала на другой стороне украшали узоры золотых, бежевых, зеленых и коричневых оттенков на яркосинем фоне. Гладкая поверхность переливалась под ярким светом бронзовой люстры со звездочками в арабском стиле. По сторонам тянулись ряды колонн, чьи изгибающиеся арки расписали полосами охры. Яркая демонстрация ориенталистского декаданса, как и приличествовало Герметическому Братству аль-Джахиза.

Вперед выступила пара автоевнухов, их лица были пустыми и нечеловеческими, нечитаемые листы бронзы. В ловких металлических пальцах каждый из автоматов сжимал белые перчатки, черные мантии и того же цвета фески с золотой кисточкой. Арчибальд принял свой наряд, накинул длинное одеяние поверх костюма и натянул шляпу на голову — удостоверившись, чтобы вышитый золотой скимитар и месяц рогами вниз смотрели вперед.

В зале находилось двадцать два человека, включая Далтона и Портендорфа. Мустафа уважительно остался снаружи. Все присутствующие нарядились в регалии братства, часть добавили пестрый передник или кушак, чтобы обозначить ранг. Они общались, разделившись на группки по два-три человека, автоевнухи разносили прохладительные напитки.

Арчибальд знал здесь каждого, все они были с положением в компании — иного способа присоединиться к братству не существовало. По пути его приветствовали, и ему приходилось оказывать уважение, останавливаться, чтобы подобающим образом пожать руку и обняться щекой к щеке — ритуал, которому они научились у местных. Все они не сводили глаз с тюка, а Портендорф старательно его прятал от тянущихся рук. Скучное занятие, и он был рад вырваться, оставляя Далтона в их компании. Выбравшись из скопления людей, Арчибальд заметил мужчину, с которым должен был встретиться.

Лорд Алистер Уортингтон, Великий Магистр Герметического Братства аль-Джахиза, выглядел внушительно в сверкающей пурпурной мантии, украшенной серебром. Он сидел за черным столом-полумесяцем, в кресле с высокой спинкой, напоминавшем трон. За его спиной со стены свисал длинный белый флаг с символом братства.

Арчибальд с трудом мог припомнить время, когда лорд Уортингтон не был «старцем». Со своими снежными волосами и резкими, патрицианскими чертами лица, глава Компании Уортингтона подходил к роли старшего жреца в их эзотерическом содружестве. Он основал Братство еще в 1898 году и поставил задачу отыскать мудрость аль-Джахиза — исчезнувшего суданского мистика, который навсегда изменил мир.

Плоды их трудов выстроились у стен: окровавленная накидка; алхимическое уравнение, снова и снова написанное от руки; Коран, по которому он учил. Большую часть этих реликвий помог добыть Арчибальд, как и тюк в его руках. Но все же в своих поисках они так и не наткнулись на божественную мудрость или тайные законы, управляющие небесами. Вместо этого братство превратилось в убежище для романтиков или психов вроде Далтона. С годами вера Портендорфа угасла, как фитиль свечи, что слишком долго горела. Но он держал язык за зубами. В конце концов, он был служащим компании.

Когда он добрался до лорда Уортингтона, старец был не один. Рядом сидел Эдвард Пеннингтон, один из старейших работников компании, истинный верующий, хоть и наполовину маразматик. Он расположился между двумя членами братства и клевал носом, пока оба что-то ему рассказывали.

— Германцы доставляют Европе ужасные хлопоты, — заметила единственная в комнате женщина: смуглая красавица с большими светлыми глазами, обведенными черной сурьмой, и косой, спускающейся ниже плеч. Широкий воротник окружал ее шею рядами зеленых и бирюзовых ка-

менных бусин, переходя в белое платье. — Теперь кайзер и царь каждый день обмениваются оскорблениями, как дети, — продолжила она с резким акцентом.

Прежде чем Пеннингтон успел ответить, заговорил мужчина с другой стороны. Он не придумал ничего лучшего, как накинуть на свои тяжелые плечи шкуру какой-то пятнистой твари.

— Не забывайте французов. У них еще осталось дельце с османцами по поводу алжирских территорий.

— Османцы слишком разбрасываются. Они думают, что вернут Магриб, когда по уши вляпались в Балканы? — прищелкнула языком женщина.

Арчибальд слушал их спор, несчастный Пеннингтон с трудом успевал вставить возражение. Пара еще раз напомнила Портендорфу, как низко пало братство.

— Надеюсь только, что Египет не будет вмешиваться в ваши конфликты, — вздохнула женщина. — Война — это последнее, что нам нужно.

— Войны не будет, — вступил в разговор лорд Уортингтон. В его голосе была едва уловимая жесткость, и за столом воцарилась тишина. — Мы живем в индустриальную эпоху. Мы производим судна, чтобы пересекать моря, и дирижабли, бороздящие небо. С нашим манипулированием ядовитыми парами и возрожденными навыками в алхимии и тайных искусствах вашей страны? Какое новое оружие может создать эта эпоха? — Он тряхнул головой, словно отгоняя кошмарные чары. — Нет, этот мир не может себе позволить войну. Вот почему я посодействовал вашему королю на предстоящем саммите наций. Единственный путь вперед — это мирное сосуществование, иначе мы наверняка сгинем.

Повисла пауза, затем женщина подняла бокал.

— Египтяне любят тосты не меньше вас, англичан. Мы часто говорим *фи сихатик* — за здоровье. Возможно, теперь нам стоит выпить за мир.

Лорд Уортингтон склонил голову и поднял кубок.

— За мир.

За ним последовали остальные, даже старый маразматик Пеннингтон. Где-то в процессе старец заметил Арчибальда.

— Арчи! Я уж боялся, мы тебя не увидим. Давай, приятель. Ох, у тебя даже бокала нет!

Арчибальд пробормотал извинения и взял бокал у автоевнуха. После обычного формального представления он уселся рядом с женщиной, распространявшей запах сладких, хмельных духов.

— Арчи сыграл важную роль в формировании нашего Братства, — рассказывал лорд Уортингтон. — Он курировал приобретение этого дома — охотничьего домика старого паши. Тогда еще Гиза была глухим местом. Арчи принадлежит титул моего визиря, совсем как... — Когда он заметил прислоненный к креслу тюк, старец оборвал речь, в его голубых глазах появились искорки. — Это?..

— Именно так, сэр, — закончил Арчибальд, водружая тюк на стол. Взгляды окружающих устремились к темной ткани, их разговоры утихли. Даже маразматик Пеннингтон вытаращил глаза.

Лорд Уортингтон нетерпеливо протянул руку, но передумал.

— Нет. Этот дар мы преподнесем Братству. — Словно по сигналу громко пробил колокол, возвещая новый час. — А! Замечательно совпало. Арчи, ты не мог бы призвать к порядку?

Арчибальд поднялся, выждал, пока не затихнет колокол, и прокричал:

— Порядок! Порядок! Великий Магистр призывает братство к порядку!

Шум стих, все повернулись к столу. Лорд Уортингтон встал, за ним поднялись остальные.

— Слава! Слава! Великий Магистр! — закричал Арчибальд.

— Слава! Слава! Великий Магистр! — ответил зал.

— Благодарю тебя, мой визирь, — сказал лорд Уортингтон. — И добро пожаловать, братья, на это судьбоносное

собрание. Десять лет длился наш поиск, мы шли по следам аль-Джахиза, чтобы раскрыть оставленные им в этом мире тайны. — Его левая рука указала на флаг с символом ордена и словами *Quærite veritatem*, написанными золотом. — «Ищите истину». Наше Братство не исчерпывается мантиями, секретными паролями или рукопожатиями, оно служит более высокой и благородной цели. Давайте помнить об этом и не терять свой путь между высокопарностью и ритуалом!

— Мир стоит у пропасти. Наша способность создавать превысила нашу способность к пониманию. Мы играем с силами, способными нас уничтожить. Это задача, которую должно решить наше Братство. Восстановить самую священную мудрость древних, создать светлый завтрашний день. Вот за что мы должны бороться. Вот что должно быть нашей величайшей истиной. — Старец положил ладони на тюк. — Нет лучшего символа этой цели, чем то, что мы добыли сегодня. — Он отбросил ткань и поднял сокровище. — Узрите, меч аль-Джахиза!

Раздались ахи. Арчибальд слышал, как женщина бормочет что-то, похожее на молитву. Он не мог ее упрекать, глядя на искусную рукоять и длинный, слегка изогнутый клинок меча — настолько черного, что казалось, будто он впитывает свет.

— С этим святым тотемом, — объявил лорд Уортингтон, — я хочу еще раз заявить цель нашего Братства. *Quærite veritatem!*

Собрание должно было взорваться шквалом одобрения — но тут раздался внезапный стук.

Взгляд Арчибальда обратился к двери вместе со всеми остальными. Стук повторился. Три раза. При каждом ударе двери содрогались, будто в них колотил огромный кулак. Опустилась тишина — пока створки не распахнулись насильно, одна чуть не слетела с петель, а засов хрустнул, как ветка. За криками ужаса последовал звук шаркающих ног, когда мужчины отступили от сцены разрушения.